

Артемий ТИХИЙ

МОБИЛИЗОВАННЫЙ

задача выжить

Артеми́й Тихи́й

Мобилизованный:

задача выжить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73437148

ISBN 978-5-4491-2984-0

Аннотация

Сентябрь 2022-го. Мобилизованный, вчерашний обычный человек, неожиданно становится командиром штурмового взвода. Его война – не парадные марши, а штурм окопов. Его задача – не умереть самому и сохранить жизни вверенных ему таких же, как он, «моби́ков».

Эта книга – честный и беспристрастный взгляд из окопа на современную войну. Вы узнаете вкус страха перед атакой и тяжесть ответственности за жизни других. Услышите гул FPV-дронов, увидите, как учебные теории рассыпаются о жесткую реальность укрепрайонов и будни штурмовиков под огнем артиллерии.

Но за суровым бытом и тактическими схемами встает нечто большее. Это книга о памяти и той любви, что заставляет человека, стиснув зубы, бежать под огнем на помощь товарищам. О любви к далекому дому, которая остается последним и самым прочным щитом. Именно эта любовь – высший смысл, ради которого простые люди совершают невозможное.

Эта книга без пафоса и политической риторики, с предельной достоверностью и человечностью. Это история о том, как в экстраординарных обстоятельствах обычные люди находят в себе силы быть солдатами, братьями и оставаться людьми. Пронзительный документ эпохи, где главная задача – выжить, выполнить долг и сохранить в себе то, что делает нас людьми.

Содержание

Рецензия	6
Пролог	8
Часть первая	10
Часть вторая	15
Часть третья	21
Часть четвёртая	28
Часть пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Артемий Тихий Мобилизованный: задача выжить

D E L I B R I

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Артемий Тихий, текст, 2026

* * *

Рецензия

Мобилизованные на войну, пришедшие в военкомат по повестке, взвалившие на себя бремя непосильной ноши «от забора и до... победы»... Эти люди, на мой взгляд, самые честные и самые что ни на есть патриоты в полном смысле этого слова.

Оставив всё, но не ради благ и выплат, а по зову Родины, они впрягались, как бурлаки, и потянули лямку войны, зачистую надрываясь и жертвуя собой ради... ради России. Вот так просто. Без плакатов и лозунгов.

Они тащили и на ходу учились, как превратить убийственный процесс в высокоэффективную работу с нормальным КПД.

Мобилизованные были на всех самых тяжёлых и гибельных участках, где они исправляли и выправляли, делали и... погибали.

Те, кто остался, не боятся ничего и могут всё. Поэтому они неудобные. И сейчас очень важно помнить о них и помнить их суровую и часто жестокую правду. Правду мобилизованных мужиков, которые в трудный период удержали на своих хребтах весь груз войны.

Эта книга написана именно таким воином. Написана спокойно и ровно, буднично даже, но эти будни ярче и мощнее любого блокбастера, потому что они – до буквы – правда

войны.

Автор — тот человек, чьи жизненные ценности близки и понятны любому из нас. Он не травмирует, не рвёт голос, не пинает ногами двери с заявлениями. Какой он герой? Он по-мужички делает победу ближе. И пишет об этом так же спокойно, как и воюет, на тонкой грани между жизнью и смертью, оставаясь тем самым краеугольным камнем, на котором и создаётся цитадель нашей мощи.

Эта книга читается, как пьётся вода, залпом, и на выдохе ты вдруг прояснённым взором понимаешь, что в пафосном героизме геройского мало, а повседневность пахарей войны сама по себе уже подвиг.

Среди наносного и придуманного эта книга является примером настоящего и правдивого. Редкого в наше болтливое время.

Сергей Ефимов

*Ветеран боевых действий, член Союза писателей России,
поэт.*

Пролог

Прогревели те слова, которые знала теперь вся страна, – слова Верховного Главнокомандующего о частичной мобилизации.

Они повисли в воздухе как набат, отозвавшись в сердце каждого гражданина. Это был не просто указ. Это был призыв истории, эхо которого докатилось до нас из далёкого сорок первого.

Наша страна, как и тогда, вставала во весь свой исполинский рост, чтобы снова сломать хребет нацизму, возродившемуся на украинской земле.

Повестка пришла быстро, как и ожидалось. Чувство было странное – будто невидимая рука великого часового механизма коснулась именно тебя, приводя в движение одну из миллионов шестерёнок. Родина-мать, как и много раз прежде, призывала своих сыновей, отправляя на защиту своих рубежей тех из них, кому была дорога её честь и судьба. Мы шли по стопам наших дедов и прадедов, тех, кто громил фашистов под Москвой и брал Берлин. Теперь эта очередь дошла и до нас.

Я ехал на машине в военкомат, и знакомые улицы казались мне теперь частью огромного тыла. Включил радио. И тут же сквозь треск помех до меня донеслись жалкие и постыдные голоса:

– Я налогоплательщик, моё дело платить, а воевать – нет... – уверял голос из Тбилиси.

– Есть медицинские справки, нельзя... – лился другой голос из Еревана, явно придумывавший на ходу.

Кто-то с придыханием рассказывал, как срочно улетел в Таллин; кто-то с хитрой ухмылкой в голосе делился «лайфхаками» по отмазке; кто-то приглушённо из какой-то европейской столицы вещал о «нежелании умирать».

Эти «интервью», эти отговорки – всё это был шум. Шум разложения, трусости и предательства. Новости о мужчинах, покидающих страну, звучали по всем каналам. Я выключил эту какофонию с чувством глубокой брезгливости. Как пел когда-то Высоцкий: «Вверх таких не берут и тут про таких не поют». Мобилизация разделила страну на два разных мира, два разных типа людей: одни спешно бежали, другие вставали в строй. Наш осознанный выбор – встать на защиту своей страны.

Часть первая

Пока не победим

У военкомата царило оживление. Тут стоял гул голосов, смешавшийся с плачем детей и твёрдыми напутствиями жён.

Я обнял свою любимую – крепко, по-мужски, стараясь запомнить тепло её рук.

– Возвращайся, – прошептала она, нежно и цепко обнимая мою шею.

– Я всегда возвращаюсь, солнышко, – пообещал я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Дочку оставил дома, чтобы не расстраивать, поцеловав перед уходом.

Здесь же я встретил своих будущих братьев.

Высокий Сашка, уже отпустивший семью, смотрел на них издалека.

– Тяжело? – спросил я, подходя.

– Не сахар, – коротко кивнул он, сжимая в кармане кулаки. – Но если не мы, то кто? Детей им оставлять?

Он мотнул головой в сторону, где на лавочке сидел тот самый «мне стыднист», скулящий о «найденных дураках» вроде нас.

Рядом коренастый Сергей что-то тихо объяснял сыну-подростку.

– Запомни, сын, – говорил он. – Честь не в том, чтобы всегда быть правым, а в том, чтобы быть готовым ответить за свою правоту.

Наши взгляды встретились. Мы молча кивнули друг другу. Слова были не нужны. Мы уже понимали, что будем держаться вместе.

Нас построили и провели в просторный кабинет, где уже собрались десятки таких же, как я.

Воздух здесь был густым и напряжённым. К нам вышла женщина – сотрудница районной администрации. Строгая, с сединой в волосах, с уставшим, но уверенным выражением лица. В её глазах читалась вся тяжесть искренней ответственности за собранных здесь мужчин.

– Ну что, мужчины, все в сборе? – голос у неё был хрипловатый от волнения, но звонкий. – Знаю, многих дома ждут жёны, дети, матери. И они дождутся! Потому что вы не те, кто бежит. Вы те, кто встаёт. Вас ждёт нелёгкая дорога. Но я в вас не сомневаюсь. Ни на секунду. Вопросы есть?

В толпе поднялась рука.

– Мария Ивановна, а на сколько нас призывают-то? До дембеля хоть примерный срок?

Мария Ивановна посмотрела прямо на спросившего, и в наступившей тишине её слова прозвучали чётко и ясно, как приговор:

– Пока не победим.

Этой фразы было достаточно. Без лишних слов всё встало

на свои места: «Пока не победим!»

Значит, домой только с победой. Другого варианта нет.

– С Богом, сынки! – крикнула она нам вдогонку, и стальные нотки в её голосе впервые дрогнули.

Раздалась команда: «На выход! По машинам!», мы развернулись и строем пошли к ждущим автобусам.

– Народ, держимся друг за друга! – негромко, но властно бросил Сашка, уже беря на себя негласное командование. – Мы теперь одна семья. В обиду никого не дадим.

– Семья, говоришь? – усмехнулся щуплый паренёк по имени Ростислав. – Ладно, куда едем-то?

– На запад, – мрачно пошутил Сергей. – Экскурсия по историческим местам, с огоньком.

Двери «Газели» с шипением закрылись, отсекая нас от прошлой жизни. Мотор заурчал, и автобус тронулся. В салоне повисло молчание, каждый прощался с городом в своём сердце.

И вот с переднего сиденья молодой парень с небритой щетиной, встав в проход, сжал кулак и крикнул во всю глотку:

– СЛЫШУ ЗОВ?!

И автобус взорвался единым, накрывшим всё мощным отзовом:

– МОЧИТЬ «АЗОВ»!

Этот клич стал нашей первой боевой клятвой.

– Громко вы, – ухмыльнулся водитель, старый солдат с нашивками. – Там, на месте, погромче придётся добавить.

– Добавим, – твёрдо сказал я, глядя ему в глаза через зеркало заднего вида. – Ещё как добавим.

– Ну, поехали, – сказал Сашка, глядя в окно на ускользающий из вида город.

– Поехали, – согласился Сергей. – Прямо по курсу – история. На сей раз нам выпало не изучать её, а творить.

– А я вот думаю, – вступил в разговор Ростислав, – форму-то нам какую выдадут? Новейшую, как по телеку показывают?

– Выдадут ту, что убивает врага, – оборвал его Сашка. – А чем убивать – не так важно.

Нас везли за город на тренировочный полигон. Дорога заняла несколько часов. За это время мы успели познакомиться поближе, поделиться сухими пайками и даже немного поспать. За окном мелькали леса и поля – бескрайние просторы нашей России.

Я думал о том, что нас ждёт. О полигоне, где мы получим форму, оружие и начнём боевое слаживание. О том, как из группы отдельных людей нам предстоит превратиться в единый организм, в мобильное грозное подразделение. В кулак, который обрушится на голову врага.

Я закрыл глаза. Позади нас оставались семьи, город, мирная жизнь.

Впереди был учебный полигон, а за ним – фронт. Задача была проста и безжалостна: выжить и победить.

Мы ступили на путь, по которому шли наши деды. И мы

были готовы пройти его до конца. Пока наш долг не будет исполнен.

Пока не победим.

Часть вторая

«Патриот»: прощание и надежда

Ночь пролетела как одно тревожное мгновение. Нас привезли к каким-то полутёмным складам на окраине города, где под мерцающими люминесцентными лампами мы переодевались в новую, пахнущую сырой камуфляжной тканью форму. Воздух был густым от запаха краски, пыли и мужского пота. Вокруг стоял гул приглушённых голосов, лязг пряжек, шелест упаковок. Каждый из нас понимал – за этими стенами остаётся прежняя жизнь. Я ловил на себе взгляды таких же, как и я. У одних в глазах читалась решимость, у других – затаённый страх, у третьих – просто пустота, словно сознание ещё не успело понять происходящее.

Мой новый знакомый Сашка, молча помогавший затянуть рюкзак, встретился со мной взглядом и коротко кивнул: «Поехали». И в этом простом слове была сейчас вся наша общая судьба.

Сон в ту ночь был коротким и тревожным в сидячем положении на креслах. Наутро колонна автобусов уже мчала нас по Минскому шоссе. За окном мелькали знакомые пейзажи Подмосковья, но виделись они теперь иначе – как последняя нить, связывающая с мирной жизнью.

В салоне стояла непривычная тишина, нарушаемая лишь

шумом двигателя. Сергей, сидящий рядом, разглядывал на телефоне карту России, его лицо было серьёзным и сосредоточенным. «История повторяется, – тихо произнёс он. – Наши деды тоже уезжали на фронт, глядя вот на такие же осенние пейзажи». Его слова повисли в воздухе, наполненном немymi вопросами и тревогой.

Когда автобусы свернули к знакомым по рассказам воротам, реальность превзошла все ожидания. Нас привезли в военно-патриотический парк Вооружённых сил РФ «Патриот». Название это могло ввести в заблуждение. Когда слышишь слово «парк», воображение рисует ухоженные аллеи, тихие пейзажи. Но это место было иным – грандиозный тематический комплекс, увенчанный главным храмом Вооружённых сил России, раскинулся недалеко от Москвы, в Кубинке. И в этот яркий, по-осеннему прохладный день, он стал эпицентром поистине исторического события, которое каждый из нас запомнит навсегда.

Нас высадили у огромных павильонов, где раньше кипели международные оружейные выставки, и картина, открывшаяся нам, была ошеломляющей. Пространство площадью в десятки гектаров заполнили около пяти тысяч мобилизованных. И к каждому, казалось, приехали родные – жёны, дети, родители, друзья. Это было море людей, эмоций, звуков. Величие страны в тот момент ощущалось не как абстрактное понятие, а как физическая реальность – в этом масштабе, в этой сплочённости.

Площадь перед павильонами напоминала гигантский муравейник, где каждый метр был заполнен жизнью. Кто-то плакал, прижимая к груди детей. Их отчаянные, сдавленные рыдания смешивались со смехом других. Кто-то радовался и смеялся, стараясь скрыть внутреннюю тревогу. Было и немало таких, кто открывал шампанское, отмечая мобилизацию как великий, судьбоносный праздник.

Пожилая женщина в скромном платье, обнимая сына, причитала: «Возвращайся, родной, только возвращайся...» Её голос дрожал, а руки сжимали его плечи так, будто она пыталась впитать в себя образ сына навсегда.

Рядом молодой отец на руках качал маленькую дочку, что-то шепча ей на ухо, а она смеялась своим детским, чистым смехом, не понимая, почему папа сегодня так долго держит её на руках.

Огромная парковка, рассчитанная на тысячи машин, была забита под завязку. Воздух гудел от гудков, смеха и музыки: от современного рэпа до патриотических советских песен, под которые когда-то шли в бой наши деды. Словно вся страна, затаив дыхание, ждала этого момента и теперь выплёскивала накопившуюся энергию – гордость, надежду, решимость.

Я видел, как Сашка крепко обнял свою маму, – они не говорили ни слова, но в их молчании было больше смысла, чем в любых словах. Ростислав, наш весельчак, обнял и прислонился лбом к своим сыновьям, у него их было три, и по щеке

его скатилась единственная предательская слеза.

Позже нас построили и провели в один из павильонов. Внутри повсюду царила строгая армейская практичность: длинные ряды одноярусных коек, казённая мебель. Ребята из нашего военкомата – Сашка, Сергей, Ростик – все инстинктивно держались вместе. Мы заняли кровати рядом, создав свой маленький островок в этом людском море.

– Ну что, братишки, – попытался шутить Ростик, но голос его дрогнул, – Теперь мы как одна большая семья.

Родственников внутрь не пустили, объявив, что в 15:00 всем вновь разрешат встретиться и погулять по территории парка. Эти часы ожидания тянулись мучительно долго – каждый продумывал про себя слова прощания, каждый хранил в сердце трепет надежды.

Вечером обещание сдержали. Парк снова наполнился жизнью. Теперь уже можно было не спеша рассмотреть его грандиозность. Сашка, Ростислав и моя семья, наконец, познакомились. Общие тревоги и общая гордость быстро стёрли неловкость. Жена Катя молча взяла меня под руку, а дочка Мария старалась выглядеть суровой и взрослой, но её глаза выдавали неподдельный страх.

– Пап, ты ведь обязательно вернёшься? – тихо спросила она, в её голосе слышались всё те же детские нотки, что были ещё вчера.

– Обязательно, доченька, любимочка, – ответил я, сжимая её плечо, – а пока ты теперь мамина помощница.

Мы пошли к храму Вооружённых сил России. И вот он перед нами – храм поразил нас сразу! Современный, строгий, величавый, без архитектурных излишеств, он притягивал взгляд своей мощью и лаконичной красотой. Грандиозный по размерам, насыщенный деталями в отделке, он сочетал, казалось бы, несочетаемое: массивное, монументальное основание из тёмно-зелёного камня и невероятно лёгкие, почти воздушные золотые маковки с крестами.

– Боже, – прошептала Катя, – это же... это же как символ нашей веры. Тяжёлая земная доля и светлая надежда.

Мы молча, не торопясь, обходили его вокруг, поднимались по ступеням, всматривались в мозаики. Восхищались и, честно говоря, немного нервничали от этой торжественной серьёзности, вся мощь которой была посвящена ратному подвигу наших русских воинов. И вот теперь нам, собравшимся здесь, ещё только предстояло этот подвиг повторить.

Время неумолимо бежало вперёд. Сумерки сгущались, золотя купола последними, убегающими лучами солнца.

– Нам пора, – тихо сказал я, глядя на жену. И хотя в её глазах стояли слёзы, она всё же улыбалась той особой, пронзительной улыбкой, которая запоминается навсегда.

– Возвращайся, – только и сказала она, сжимая мою руку так, будто пыталась вложить в это рукопожатие всю свою любовь и всю свою надежду.

Мы возвращались к павильону в молчании, каждый со своими мыслями. Для многих из нас сегодняшний день,

этот грандиозный и пронзительный «Парад мобилизации» в «Патриоте», навсегда останется в памяти как прощальный, напутственный салют из мирной жизни, как обещание, которое каждый из нас дал самому себе и своей стране.

Праздник заканчивался, и впереди нас ожидала наша новая реальность – распределение по подразделениям, первые учебные занятия, а ещё дальше – война.

Часть третья

Испытание на плацу «Патриота»

Эйфория прощания, слёзы и объятия под сводами главного храма остались за тяжёлыми дверьми павильона.

Воздух внутри был густым и неподвижным, пахнувшим краской, новым камуфляжем и человеческим потом. Огромное пространство, где ещё вчера кипела торговля на международных выставках, теперь превратилось в гигантский солдатский привал. Вдоль высоких окон, сквозь которые лился холодный осенний свет, были выстроены ряды простых складных столов и табуретов – наши первые учебные классы.

Именно здесь, в этой странной обстановке, балансирующей между выставочным павильоном и казармой, начались наши теоретические занятия. Но прежде предстояло главное – распределение. Судьба наша решалась не в кабинетах, а на огромном внутреннем плацу этого же комплекса, под его сводчатыми потолками, где эхо разносило каждый щелчок каблука.

Плац стал настоящим сердцем «Патриота» в те дни. Испещрённый разметкой, заставленный макетами техники, он стал гигантской шахматной доской, на которой расставляли тысячи человеческих судеб. Помню, как сжималось сердце, когда мы строились, вытягивались в струнку, а перед на-

ми проходили офицеры с планшетами, изучающие нас, будто лошадей на рынке. В их глазах не было ни доброты, ни неприязни – только холодный, профессиональный расчёт.

– Разведка! – разнеслось по плацу. – Кто мечтает служить в разведке – два шага вперёд!

В горле пересохло. Воспоминания о срочной службе в разведывательной роте в Чечне, хоть и порядком отдалённые, вдруг всплыли яркой, жгучей волной. Я помнил запах гари, вкус пыли во рту и то, как щемит под ложечкой перед выходом на задание. Это был не героизм, это просто была моя старая служба. Сделав глубокий вдох, я, не раздумывая, резко вышел из строя.

И тут случилось то, что навсегда врезалось в мою память. Почти одновременно со мной из шеренги вышли Сашка, Сергей и Ростик. Не сговариваясь, даже не посмотрев друг на друга. То был инстинктивный, немой порыв – шагнуть за тем, кому веришь. Я почувствовал их за своей спиной – тёплое, живое плечо Сашки, сосредоточенный взгляд Сергея, даже сдержанное волнение Ростислава. Это было то самое, непередаваемое чувство братства, рождающееся не за годы, а за секунды. В тот миг я понял: я не просто несу ответственность за себя. Я в ответе за них. И этот груз был не тяжёлым, а наоборот, придавал невероятную уверенность.

Наверное, нам, мобилизованным, невероятно повезло, когда позже мы узнали, что с нашей сформированной прямо здесь разведывательной ротой было приказано проводить за-

нения офицерам из ССО – Сил специальных операций. Элита армии. Их подход чувствовался сразу, с первой же минуты, когда в наш учебный сектор вошёл первый офицер.

Офицер представился Евгением. Сухой, подтянутый, с обветренным лицом и холодными, сканирующими глазами, которые, казалось, видели не наши лица, а наши потенциальные слабости. Никаких вступительных речей.

– Достаём ручки и тетради, – голос был ровным, без единой эмоции и таким, что переспрашивать желания не возникало ни у кого. – Записываем. Базовый набор выживания. То, без чего на СВО вы обуза, а не бойцы.

И он начал диктовать методично, словно читая техническую инструкцию к оружию, от которого зависит жизнь:

– Фонарик тактический на батарейках, не на аккумуляторе. Пауэрбанк ёмкий. Нож охотничий, не для красоты, а для работы. Мультитул...

Список казался бесконечным. Котелки, тенты, верёвки, таблетки для воды... Я видел, как Ростислав, строча всё это в своём блокноте, то и дело скептически хмыкал.

Евгений услышал это, и его взгляд, будто шило, вонзился в него.

– Ты думаешь, это для похода? – спросил он, и его ледяной тон заставил сжаться не только Ростислава, но и всех вокруг. – Рюкзак – это ваш дом на передке. Ваша аптека, ваша кухня, ваша спальня и ваша крепость. Чем лучше он укомплектован, тем выше ваш шанс не просто выжить, а остаться

здоровым и боеспособным.

Он сделал паузу, обводя взглядом всю нашу группу. В глазах его не было ни злобы, ни раздражения – лишь чистая и безжалостная констатация факта.

– Запомните раз и навсегда. Если ты заболеешь и скажешь: «Командир, у меня температура!», тебе ответят: «Температура? Сам виноват! Не утеплился, не просушился!», «Ножка болит? А наплевать! Сам виноват!». На войне нет места сожалению. Ни к врагу, ни к сослуживцу, который не способен себя обеспечить самым необходимым. И даже больше – к такому сослуживцу появляется презрение. Не заботясь о себе, он подводит других. Он слабое звено. Слабые звенья здесь не любят.

Эти слова, прозвучавшие в стерильной тишине, повисли в воздухе, густые и тягучие как смола. Они были страшнее любой брани. Они были приговором нашему прежнему гражданскому «я».

Наступил вечер, и весь павильон вновь погрузился в тревожный полумрак. Мы сидели на своих койках, перебирая выданное нам новое снаряжение. Ростик, наш весельчак, скептически вертел в руках мультитул.

– Ну ладно нож, горелка... Но вот эти-то таблетки для воды, какая-то «кошка»... – и он с силой швырнул предмет на одеяло. – Да мы как в поход собрались, не иначе. Многие же думают, что война – это типа такого сурового пикника. Мальчики в камуфляже, землянка, костёр, каша из котелка.

Как в кино, где герои побеждают силой духа и по наитию.

Я взглянул на него, а потом на Сергея, который молча, с почти религиозным усердием натачивал уже свою новую лопату. К нам присоединился Сашка, его лицо было серьёзным, уставшим.

– Заблуждение, – тихо, но очень чётко сказал он. И в голосе его впервые прозвучала не просто уверенность, а тяжёлая, добытая знанием горечь. – Величайшее и самое страшное заблуждение.

Все взгляды обратились к нему.

– Современная война – это не сила духа против силы духа, – продолжил он, глядя на Ростика. – Это высшая математика, физика, тактика и железная дисциплина. Это высокие технологии, где ошибка длиною в секунду оплачивается не плохой оценкой, а жизнью. Твоей или жизнью твоего товарища.

Я вмешался в разговор.

– Думаешь, стоит взять в руки автомат, и знание тактики, баллистики, инженерии, связи, медицины, навигации и управления дронами свалится на тебя с неба по наитию? Будто одной храбрости и желания защищать достаточно?

Ростислав молчал, и его обычная ухмылка слетела с лица, уступая место сосредоточенной, взрослой серьёзности.

– Война – такая же сложная и смертельно опасная профессия, как хирург или пилот, – Сашка говорил спокойно, но каждое слово било точно в цель. – Только цена ошибки

хирурга – одна жизнь. Цена нашей ошибки – десятки, сотни, срыв всей операции. Исход боя.

Сергей кивнул, поддерживая его.

– Тому, как правильно штурмовать здание, как ставить дымовую завесу, как работать в паре, как читать карту, как оказывать первую помощь под огнём – всему этому нужно учиться. Не на ютуб-роликах, а здесь. Долго, нудно, изматывающе. С повторением по сотне раз, до мышечной памяти, до автоматизма. Пока правильные действия не станут рефлексом, срабатывающим быстрее, чем мысль.

– А почему? – встрял я, чтобы подвести черту. – Потому что противник тоже не дурак. Он тоже учится. Он не ждёт, сложа руки. Он использует самые современные и, простите, самые подлые методы. Нас, мобилизованных, не позвали бы, если бы здесь было легко воевать.

Сашка мрачно хмыкнул.

– Верно. В начале СВО многие контрактники, увы, не были готовы к такой войне. Кто-то умел в основном бордюры красить и маршировать. Сейчас другой противник, другие условия. Нам дали шанс – учиться у лучших. Так что давайте им пользоваться.

В проходе между койками появилась высокая, подтянутая фигура. Офицер Евгений. Он слышал наш разговор. Стоял молча секунду, его взгляд скользнул по нашим лицам, а затем он коротко, почти незаметно кивнул.

– Умные речи. Завтра на полигоне в шесть ноль-ноль. Бу-

дем учить эту вашу математику и физику на практике. Увидим, кто к пикнику готов, а кто – к войне.

После его ухода в нашем углу павильона воцарилась тишина, полная новых, трезвых мыслей. Позже я узнал, что у одного из бойцов нашего взвода, тихого парня из Подмосковья, дедушка – генерал в отставке. Это он, старый волк, прошедший Афганистан и Чечню, узнав, что внук попал в мобилизованную разведку, лично позвонил «куда надо». Его забота, его протянутая рука из прошлого незримо накрыла и всех нас.

Я посмотрел на своих ребят. Сашка придирчиво осматривал швы на тент-палатке, Сергей изучал инструкцию к таблеткам для воды, а Ростик, отбросив иронию, прилаживал к подсумку сапёрную лопатку. Романтика «Патриота» с его храмом и прощаниями окончательно испарилась, оставив после себя лишь сухую, твёрдую реальность. Мы были зелёными «моби́ками», но первый, самый важный урок нам уже преподнесли: твоя жизнь на войне – это твоя зона ответственности. И отныне наш дом – это не павильон в «Патриоте», а рюкзак за спиной.

И мы учились. Быстро учились.

Часть четвёртая

Следующее повторение

Резкий, пронзительный звук сирены ворвался в предрасветный мрак, разрывая сон, как нож – тонко и безжалостно.

Пять утра. В павильоне «Патриота» мгновенно воцарилась напряженная суэта, лишённая суматохи. Никто не ругался, не стонал. Было лишь тяжёлое, сосредоточенное молчание, прерываемое скрипом коек, шелестом камуфляжа и приглушёнными командами. Воздух был холодным и густым, пахшим сном, потом и сталью.

– Подъём! По машинам! Получаем оружие!

Эти слова действовали на нас лучше любого кофе. Оружие. Не абстрактное понятие из рассказов, а реальный железный предмет, который скоро станет продолжением наших рук. Нашей защитой и нашей угрозой.

Его хранили в синих морских контейнерах, выстроенных в ряд неподалёку от павильонов, словно гигантские склепы, набитые смертоносным железом. Они охранялись дежурной сменой – такими же «мобиками», как мы, но их позы и взгляды были уже другими – отточенными, серьёзными. Они уже держали в руках не груз, а ответственность.

Подходя к контейнеру, я чувствовал странное волнение, смешанное с благоговейным трепетом. Дверь со скрежетом

отъехала, и внутри хлынул утренний свет, выхватывая из темноты ряды аккуратно стоящих ящиков с «калашниковыми». Каждый был закреплён за конкретным бойцом. Мой тоже лежал в одном из этих ящиков. Я взял его в руки. Холодный, тяжёлый, облезлый чёрный лак, специфический запах оружейной смазки. Он был бездушным куском металла, но в тот момент я почувствовал, как между нами протянулась незримая нить. Это больше, чем табельность. Это твой голос на войне. Твой аргумент.

Погрузка в автобусы прошла в молчании. Большинство смотрели в окно, не видя мелькающих пейзажей, мысленно оставаясь с тем оружием, что теперь лежало у них между колен. Мы ехали на полигон, и с каждым километром гражданская жизнь отдалялась, становясь призрачной и нереальной.

Полигон встретил нас простором, пронизанным ветром и запахом полыни. И двумя знакомыми фигурами – Евгением и Сергеем. Сергей тоже являлся офицером ССО, впоследствии оказалось, что он был даже более опытным, чем Евгений. Они стояли, непринуждённо беседуя, но их позы излучали такую концентрацию, что казалось, будто вокруг них пустота.

– Построились! – скомандовал Евгений. Его голос, резкий и чёткий, врезался в утреннюю тишину.

Когда мы выстроились в ровные шеренги, Сергей сделал шаг вперёд. Его взгляд, всегда спокойный и аналитический, на этот раз был жёстким.

– С этого момента, – произнёс он, и его слова упали, как молоток, – ваши гражданские имена остались там, в автобусах. Здесь их нет. Здесь есть только вы, ваш позывной и ваше оружие. Позывной – ваша вторая кожа, ваша легенда. Выберите. И пусть он отражает вашу суть.

В строю прошёл тихий ропот. Это был странный, почти мистический ритуал. Отречение от себя прошлого.

Сашка, не раздумывая, выкрикнул:

– Леший! Буду пугать в лесу, как тот дух.

Ростислав, наш хитрый молодой папа, тут же отозвался:

– Лис! Значит, буду хитрить и выкручиваться.

Сергей, немного подумал и сказал с лёгкой ухмылкой:

– Косой. В честь одного исторического персонажа. И потому что прицел нужно всегда выверять.

Все взгляды обратились ко мне. Я всегда ценил тишину. На «срочке» меня ценили за умение бесшумно перемещаться и действовать. Это было моей суперсилой.

– Тихий, – произнёс я, и это слово легло на меня как камуфляж.

Ритуал продолжался пока все остальные, стоявшие в строю, также выбрали свои позывные.

– Хорошо, – кивнул Сергей. Запомнили? Теперь забудьте, как вас звали раньше!

Затем началось самое важное. Сергей взял свой автомат, и его движения были до того отточенными, плавными и экономичными, что казалось, будто оружие – это часть его тела.

– Первое и последнее, что вы должны знать, – его голос был негромким, но каждое слово доходило до самого заднего ряда, – это безопасность. Больше половины потерь на любой войне – от «дружеского огня», от глупости, от пофигизма. Запомните эти правила как «Отче наш». Они важнее, чем умение стрелять.

Он медленно прошёлся перед строем, глядя нам в глаза.

– Первое. Всегда, всегда, ВСЕГДА относись к любому оружию как к заряженному. Даже если ты только что его разрядил. Даже если его дал тебе в руки ангел. Винтовка заряжена. Всегда.

– Второе. Никогда не направляй оружие туда, куда не хочешь, чтобы оно выстрелило. Пушка смотрит только в сторону врага. Ни на секунду на товарища. Ни шутки ради. Ни случайно.

– Третье. Палец на спусковой курок ложится только тогда, когда ты уже видишь цель и готов её уничтожить. Ни в коем случае раньше. Это не кино.

– Четвёртое. Прежде чем нажать на спуск, ты должен знать, что перед твоей целью и что за ней. Пуля, пробившая врага, может убить мирного или своего, стоящего за спиной у врага.

– Пятое. Не вижу – не стреляю. Ни по шорохам. Ни по вспышкам. Увидел опознавательный знак, форму, силуэт – тогда стреляй.

– И правило трёх «НЕ». Повторяйте за мной! – он повы-

сил голос, и мы хором, как школьники, заучивали эту аксиому выживания:

– Не направляй на сослуживца! Не досылай патрон в патронник раньше времени! Не оставляй патрон в патроннике после стрельб!

Он заставил нас повторить это несколько раз, пока слова не впечатались в подкорку. Это не были просто правила. Это была мантра, которая должна была стать частью нашего естества.

Затем начались стрельбы. По сто двадцать патронов на каждого. Одиночными. По мишеням на сотне метров. Это был не экзамен на меткость, а проверка культуры. Я видел, как у Лиса дрожали руки, когда он вставлял магазин. Как Косой перед каждым выстрелом делал глубокий вдох, сливаясь с прикладом. Леший стрелял уверенно, но без спешки, чётко соблюдая все правила.

Когда подошла моя очередь, мир сузился до мушки, целика и тёмного круга мишени. Я вдохнул, наполовину выдохнул, замер и плавно, без рывка нажал на спуск. Отдача ударила в плечо – знакомое, почти родное чувство. Грохот. Запах пороха. Тишина внутри, несмотря на гам вокруг.

Стрельбы шли до обеда, и к концу у многих в глазах стояла не усталость, а сосредоточенная ясность.

Обед явился нам священнодействием. Полевая кухня, дымящие котлы, уставшие, но доброжелательные повара. Одноразовые тарелки, наполненные дымящимся супом и греч-

кой с тушёнкой. Компот, настолько сладкий, что аж першило в горле. Это была не просто еда. Это был акт милосердия в этом суровом мире.

Мы сидели на земле, под ярким осенним солнцем, и ели молча, с жадностью возвращающих утраченные силы. А после все шестьсот человек, как по команде, разом прилегли на траву, подставив лица тёплым лучам. В эти минуты не было ни «мобиков», ни контрактников, ни офицеров. Были просто уставшие люди, греющиеся под одним солнцем. Это была последняя, пронзительная капля мирной жизни.

После обеда началось разделение. Пехота – к своим инструкторам, мы, разведка, – к своим. Евгений и Сергей разбили нашу роту на две группы. Наша осталась с Сергеем.

Сергей повёл нас к опушке леса, что примыкал к полигону, и начал не с тактики, а с философии.

– Разведка, – сказал он, – бывает разная. – И он начал раскладывать перед нами, как карты, целый мир шпионажа и диверсий.

– Агентурная – это когда два дядьки под зонтами, в потёртых пальто, меняются портфелями в ночном парке. Романтика, господа. Грязь, дождь и государственные тайны в кейсе.

– Техническая – это когда такой же умный дядька в очках и с кружкой кофе хакерствует за компом, выуживая секреты из всемирной паутины. Война без выстрелов.

– Радиоэлектронная – это когда спецы в специальных ма-

шинах, обитых свинцом, — он усмехнулся, — да-да, в тех самых «трусах», чтобы детородную функцию сохранить, — ловят вражеские сигналы в эфире.

— Глубинная — это когда сверхлюди, прошедшие адский отбор, ползут в глубокий тыл врага, чтобы узнать то, что нельзя узнать иначе.

Он сделал паузу, давая нам прочувствовать масштаб.

— А у вас, — его голос стал жёстким и приземлённым, — разведка войсковая. Самая грязная, самая опасная и самая честная. Ваша задача — не шпионить за президентами, а не дать врагу застать наших солдат врасплох. И самим нанести внезапный удар. Ваши инструменты — наблюдательный пост, чтобы подглядывать и подслушивать. Засада, чтобы внезапно напасть. Поиск, чтобы взять «языка». И дозор, чтобы быть глазами и ушами батальона.

Затем пошла классика, которую я помнил еще со «срочки». Он нарисовал на земле схему палочкой.

— Любая разведгруппа — это организм. Головной дозор — его щупальца, самые зоркие и чуткие. Ядро — мозг и кулак. Тыловой дозор — его тыл, его страховка.

Потом мы разбились на группы и ушли в лес. Началось боевое слаживание. Мы учились двигаться цепью, бесшумно, соблюдая дистанцию. Отрабатывали сигналы руками. Учились «читать» лес: где можно спрятаться, откуда ждать опасность, как использовать складки местности. Мы ползали, бежали, залегали. Лес, ещё утром казавшийся мирным и друже-

любным, теперь стал полем боя, полным невидимых угроз.

К вечеру мы валились с ног. Возвращаясь в автобусы, мы были мокрые, грязные, пропахшие лесом и порохом. В павильоне «Патриота» никто не разговаривал. Мы падали на койки и проваливались в сон, как в чёрную бездну, даже не снимая ботинки.

На следующий день нас ждала сапёрно-инженерная подготовка. Евгений и Сергей стояли перед нами с суровыми лицами. Рядом на столе лежали муляжи мин – страшные, уродливые железки.

– Война, – начал Евгений без предисловий, – это не только пули. Это земля, наспигованная железом, которое ждёт своего часа. Запомните раз и навсегда. – И он зачитал нам новую заповедь, свод правил, от которых зависели наши ноги, руки и жизнь.

– Первое. Мины, растяжки и прочие «сюрпризы» на войне есть ВСЕГДА и ВЕЗДЕ. Забудьте слово «безопасный маршрут». Его нет.

– Второе. Все эти устройства делают не дураки, а умные, хитрые и очень профессиональные подонки. Они знают, как вас обмануть.

– Третье. Из второго пункта следует: у КАЖДОЙ мины, у КАЖДОЙ растяжки есть ловушка. Вскрыл не так – получил в лицо.

– Четвёртое. Отсюда главный вывод: не ты ставил – не тебе и снимать! Вы не сапёры. Ваша задача – обнаружить, обо-

значить и обойти.

– Пятое. Даже если ставил ты, но отошёл от неё на пять шагов, она перестала быть твоей. Снова смотрим пункт четвёртый.

– И шестое. Безопасного на войне нет НИЧЕГО. Каждое ваше действие должно быть осознанным и предупредительным. Каждый шаг – выверенным.

Затем мы часами изучали устройства мин, их механику, маскировку. Это было похоже на изучение анатомии смерти. А после нас повели на полигон, и мы с безопасного расстояния наблюдали, как тротилловая шашка, а потом и настоящий фугас поднимают в воздух фонтан грязи и огня. Грохот бил по ушам и по груди, заставляя содрогаться внутренности. Это был не эффектный голливудский взрыв. Это была демонстрация грубой, бездушной силы, которая не разбирает, кто прав, а кто виноват.

После обеда, когда мы ещё не отошли от контузирующей силы взрывов, к нашим инструкторам присоединился третий – Иван. Коренастый, с коротко стриженными волосами и спокойными, уверенными руками медика, он начал обучать нас тактической медицине.

– Теория кончилась, – сказал он без предисловий. – Теперь учимся сохранять то, что ещё можно сохранить. Самый главный алгоритм на войне – ЖОПА: Жгут. Обезбол. Перевязка. Автомобиль. Запомнили? То есть эвакуация.

И началось. Мы учились накладывать жгут на одну руку,

на две, на бедро, на шею (это было самое страшное). Учились делать перевязки при пулевых и осколочных ранениях. Иван был безжалостен.

– Жгут – это ваша молитва, – говорил он, заставляя нас с завязанными глазами нащупывать артерии и затягивать турникет. – Проснулись – потренировались наложить жгут. Пошли на завтрак – наложили жгут. Перед сном – жгут. Должно дойти до автоматизма. Ваш товарищ истекает кровью, а вы не можете вспомнить, как затянуть эту чёртову застёжку? Это преступление!

Следующие несколько дней слились в один непрерывный, изматывающий марафон. Подъём в пять, отбой в десять. Бесконечные занятия: метание гранат, где каждый из нас должен был, преодолевая животный страх, пролежать в узкой, вонючей яме, пока над нами с грохотом проезжал танк, и имитировать бросок. Занятия по топографии, где мы вместо навигаторов учились пользоваться специальными приложениями на смартфонах, превращая их в инструмент войны.

К концу второй недели запал, с которым мы начинали, начал иссякать. В глазах у многих появилась апатия, усталость, граничащая с отупением. Мы были перегружены, как процессоры, пытающиеся обработать слишком много данных. Физическая усталость была ничто по сравнению с моральной.

Инструктора заметили это. И вместо того, чтобы давить, они сменили тактику. Однажды утром нас повели в лес и

объявили: «Сегодня конкурс на лучший наблюдательный пост. Ройте, маскируйтесь. Победит тот, кого мы найдём последним».

И это сработало! Взрослые, серьёзные мужики превратились в азартных школьников. Мы рыли, как кроты, маскировали свои укрытия ветками, мхом, травой. Соревновательный дух встряхнул нас, заставил забыть об усталости. Мы смеялись, подшучивали друг над другом, давали советы. В тот день мы не просто учились рыть окопы. Мы учились выжимать из себя силы, когда, казалось, уже ничего не осталось.

Апофеозом нашего КМБ стали итоговые учения. Нас разделили на две группы: «наших» и «условных противников». Выдали специальные датчики, которые крепились на шлем, разгрузку и оружие. Это была система, похожая на лазертаг, но несравнимо более продвинутая и реалистичная. Меня назначили старшим группы «наступающих».

И пошло. Лес снова стал полем боя, но на этот раз с настоящим, хоть и условным противником.

Я руководил своей группой, посылая Лиса в головной дозор, Лешего с ядром в обход, а Косого прикрывать тыл. Мы двигались бесшумно, используя складки местности, общались только жестами.

Мне удалось вывести группу во фланг «противнику» и, устроив засаду, «уничтожить» их, не понеся потерь. Это была не слепая удача. Это была работа – та самая, которой нас

две недели так жёстко учили.

Вечером, после учений, инструктора построили всю роту. Евгений, Сергей и Иван стояли перед нами. Усталые, но довольные.

– Группа Тихого! – крикнул Евгений.

Мы сделали шаг вперёд.

– Задача выполнена. Потерь нет, – отбарабанил я.

Евгений обвёл взглядом моих ребят – грязных, пропотевших, но с горящими глазами.

– Командир, – обратился он ко мне, и в его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на уважение, – это очень здорово – выполнить задачу и не потерять свой личный состав. Запомните этот момент.

И тогда слово взял Сергей. Он вышел вперёд, и его напутственная речь в тот вечер врезалась в память навсегда, став нашим кредо, нашей библией выживания.

– Вот и закончились занятия, – начал он тихо, но так, что было слышно каждое слово. – Запомните: главная ваша задача – не победить, не стать героем. Главная задача – **ВЫЖИТЬ**. А взаимовыручка – это не красивые слова. Это единственная настоящая поддержка, которая у вас есть. Цепляться за жизнь – значит точить своё мастерство до бритвенной остроты. Умение на ощупь, в темноте собрать автомат. «Поймать ветер» и услышать противный шелест дрона раньше, чем он увидит тебя. Закопаться в землю так, чтобы уцелеть под шквалом разрывов. Каждое такое отточенное дви-

жение – это кирпичик в стене между тобой и небытием. Твой личный щит.

Он сделал паузу, давая нам прочувствовать.

– Один умный и сильный человек, Арнольд Шварценеггер, когда-то сказал... Ему задали вопрос: «Как простой парень из австрийской деревни стал кинозвездой и губернатором Калифорнии?» И он ответил: «Я никогда не думал о том, чтобы стать губернатором. Я думал о том, как правильно сделать следующее повторение в жиме лёжа. Как поднять вес на пять фунтов больше. Я концентрировался на следующем подходе, а не на эфемерной цели».

Сергей обвёл нас взглядом, в его глазах горел огонь.

– Наша война, наша эфемерная, пугающая цель – «победить», «вернуться героем», «остаться в живых». Она слишком велика. Она парализует. Наша реальная, единственно верная задача – это «следующее повторение». Понимаете?

Он подошёл ближе. Его слова били прямо в сердце.

– Это бесшумно сделать следующие десять шагов и услышать щелчок ветки раньше противника. Это сменить позицию после очереди, чтобы не накрыли ответным огнём. Это понять, откуда ветер дует, чтобы уловить шелест пропеллера дрона. Это зарядить следующий аккумулятор, проверить антенну и поднять свой дрон в небо на следующие пятнадцать минут патруля. Эти пятнадцать минут и есть твой «следующий подход». От него зависит, увидит ли вражеская «бабочка» нашу позицию, или ты найдёшь и накроешь её. Это не

откладывать выстрел на потом, когда над тобой уже завис FPV. Следующие пять секунд твоего рывка по-пластунски – это и есть ВСЯ твоя война. Вся!

Его голос крепчал, наполняясь железной силой.

– Не надо думать о всей войне! Забудьте о ней! Думайте только о следующем подходе! О следующем шаге! О следующем выдохе после рывка! О следующем аккумуляторе для дрона! О следующей смене позиции! О следующем заряженном магазине! О следующем вдохе!

Он почти кричал теперь, и в его крике была не злоба, а страстная, отчаянная вера.

– Там, по ту сторону фронта, воют те самые, кто хвастается в интернете количеством убитых русских. Для них это цифра в телефоне. Для тебя это память твоих предков, которые уже не раз били таких же выродков! Им нельзя дать ни единого шанса! Ни одного!

Сергей выдохнул и закончил уже почти шёпотом, но этот шёпот был слышнее любого крика:

– Розовые очки разбейте! Осталась только правда. Правда окопа, братского плеча и твоего личного умения цепляться за жизнь. Жизнь даёт шанс. Но только тому, кто из последних сил впивается в неё зубами и ногтями. Держитесь за своих. Точите своё мастерство. Концентрируйтесь на следующем шаге. Делайте его ради того, чтобы следующий шаг был уже по дороге домой. Чтобы однажды, вернувшись, вы могли решать свои старые, мирные задачи. Уже живыми людьми.

Прошедшими ад, но оставшимися собой.

Он отступил на шаг. Воцарилась полная, оглушительная тишина. Никто не шевелился. Эти слова стали тем стержнем, которого нам не хватало. Они не вселяли слепой оптимизм. Они давали стратегию. Тактику выживания. Отныне мы знали, как не сойти с ума. Мы не думали о всей войне. Мы думали о следующем повторении.

А завтра нас ждала погрузка в эшелоны и дорога на СВО.

Часть пятая

Народная круговерть

Последний вечер в «Патриоте» оказался не просто прощанием, а грандиозным, стихийным актом народной воли.

Осознав, что официального снабжения самым необходимым может и не хватить, страна решила взять дело в свои руки. Ещё с утра к воротам парка начали подъезжать машины. Не казённые «Уралы», а личные иномарки, потрёпанные жигули, микроавтобусы волонтеров. Они везли не только слёзы и объятия, но и реальную, осязаемую помощь.словно по какому-то незримому сигналу родственники, друзья, коллеги по работе и просто незнакомые люди, услышавшие зов сердца, привезли всё то, что мы с таким тщанием вписывали в свои тетрадки на занятиях с офицерами ССО. И многое сверх того. Площадь перед павильонами превратилась в гигантскую стихийную ярмарку жизни, где вместо товаров раздавали шансы на выживание.

Я видел, как седой мужчина в деловом костюме выгружал из багажника дорогушую бензопилу и ящик запасных цепей.

— Сыну, — коротко бросил он, вручая это молодому сержанту. — Чтобы деревья на позициях пилил, а не ручными пилами мучился.

Рядом волонтеры раздавали новые, ещё пахнущие завод-

ской смазкой генераторы, мощные аккумуляторы, тёплую экипировку. Стеллажи ломились от коробок с ботинками легендарных брендов: Lowa, Hanwag, Salomon, Prabos. Это была не просто обувь. Это были километры пройденных дорог, часы, проведённые в окопах без промокших ног.

Мои родные приехали целым десантом. Жена Катя, её сестра с мужем, племянник. Их машина была забита под завязку.

– Вот, – родственник Александр с серьёзным лицом вручил мне тяжёлый кейс. – Коллиматор. Чтобы зря патроны не транжирить. И прибор бесшумной стрельбы, оставишь себе, когда вернёшься.

Племянник Кирилл сунул мне в руки «магнифер» – мощную тактическую лупу. «Для прицельной стрельбы, для всякой мелочёвки... Пригодится».

Катя, плача и смеясь одновременно, загружала в мой уже распухший рюкзак горы носков, термобелья, индивидуальные аптечки, собранные по советам бывалых.

И таких сцен были сотни. Молодая жена, разгружающая детское питание для мужа: «Он у меня сладкоежка!»

Друзья-однополчане, вручающие нашему взводу комплект тактических наколенников и налокотников. Даже местные бабушки, прошедшие через все войны XX века, принесли свои самые ценные дары – связанные своими руками из грубой шерсти носки, варежки, свитера.

– Вы наши внучки, наши соколы, – причитала одна из них,

суя в руки пару невероятно колючих, но наверняка тёплых носков. – Грейте ножки, родненькие, не студите.

В тот момент, глядя на это море людей, на эту невероятную, кипящую энергией круговерть добра и заботы, меня одолело чувство гордости за наш народ. То самое, великое и необоримое, чувство, которое когда-то поднимало страну на смертный бой. Это был не приказ сверху. Это был зов крови, зов земли. Это вставала не армия – вставал народ. Народ, который решил, что его сыновья не должны нуждаться ни в чём. Мы были не просто мобилизованными. Мы были плотью от плоти этого народа, его защитой и его надеждой. И эта мысль наполняла не гордостью, а колоссальной, почти неподъёмной ответственностью. Подвести их, этих людей, мы не имели права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.